

Давным-давно жили на Алтае брат и сестра. Жили они вдвоем в безлюдном лесу.

**Однажды брат собрался на охоту и говорит сестре:
— Ты без меня печень марала не жарь. Собольим одеялом
не укрывайся, на лесистую гору не ходи.**

День прошел, другой миновал, а брата все нет и нет. Скучно стало сестре одной в безлюдном лесу.

На седьмой день нарезала она печень марала, наизала куски на палку, палку в землю у костра воткнула. Сама на соболье одеяло села и не заметила, как уснула.

Далеко ли, близко ли была она во сне, никому не ведомо. Только проснулась, видит — черная пена на печени вздулась, костер залила.

Испугалась девочка: „Как жить без огня одной в лесу?“ Огниво-то брат с собой на охоту унес. Побежала она на лесистую гору людей искать.

Темные леса она опушками обходила, у быстрых рек мелкий брод искала.

Долго ли, коротко ли шла, но вот с вершины горы увидела — далеко в синем небе светится тонкий, как конский волос, белый дым.

Обрадовалась, поспешила туда. Пришла к маленькому, крытому камышом анлу.

Толкнула дверь и чуть не умерла от страха. На женской стороне аила перед костром лежала ушастая старуха.

—Э-э-э, дитя мое, — сладким голосом пропела старуха, — если уж пришла, то входи.

Девочка вошла и вежливо молвила:

— Давайте, бабушка, я вам волосы расчешу.

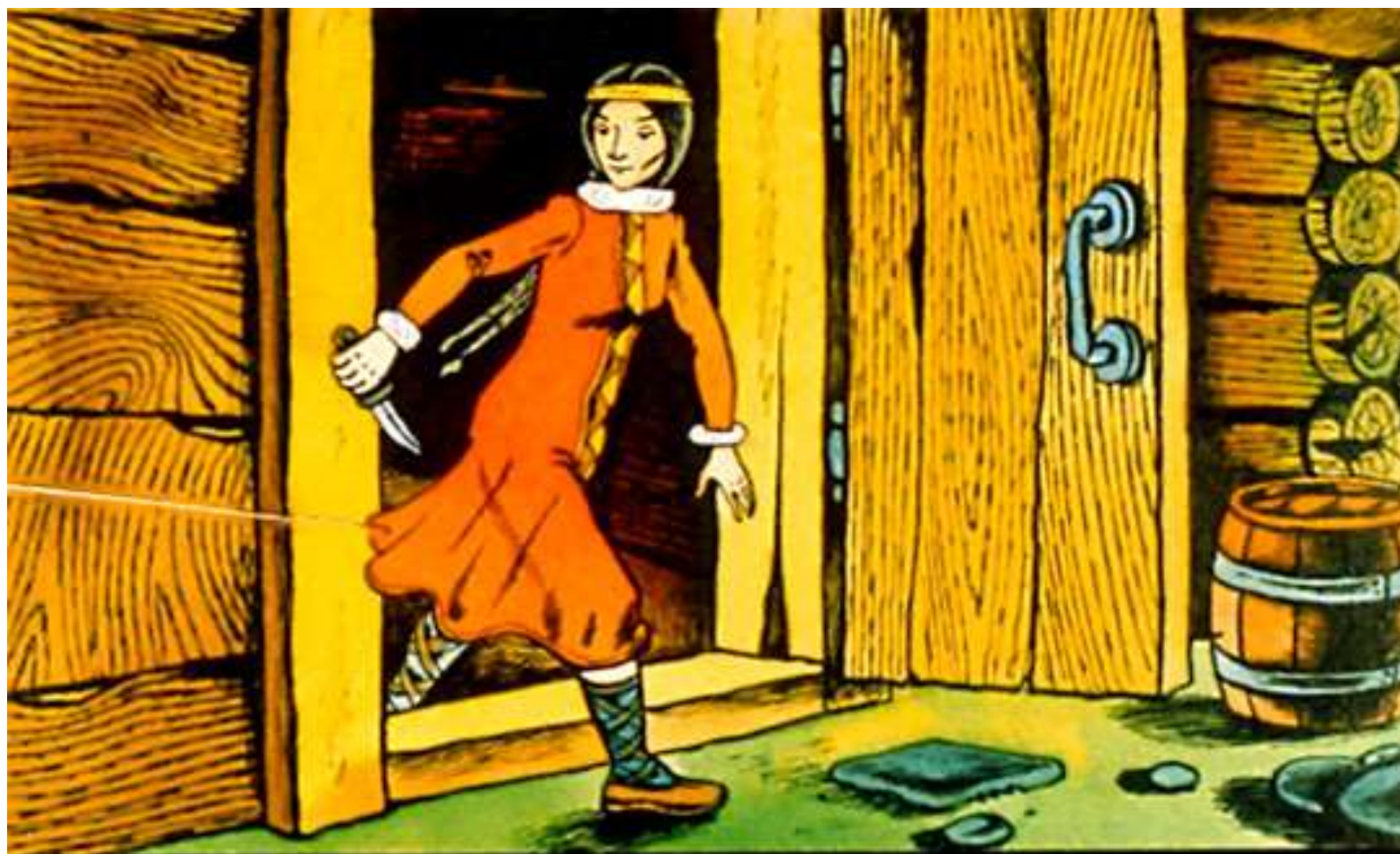
Положила старуха ей голову на колени, и девочка осторожно принялась перебирать седые космы. Расчесала старухе волосы, заплела косы, а потом попросила головешку из костра.

Старуха позволила взять ее. Обрадовалась девочка. Прибежала домой, зажгла большой костер, до неба взвилось желтое пламя.

„Ну, — думает, — изжарила я печень марала и на собольем одеяле посидела, а что случилось? На лесистую гору ходила, огня там добыла. Сейчас опять пойду, дикого чеснока, луку наберу“.

Только хотела выйти за дверь, но будто кто держит ее, не пускает. Обернулась—к подолу шубы пристала еле видимая нить. Выхватила девочка нож и отсекала нить.

**Поняла она, что напрасно не послушалась брата. Побежала к ярко-голубой скале.
— Отворись, скала! Мою жизнь спаси!
Отворилась скала и спрятала девочку.**

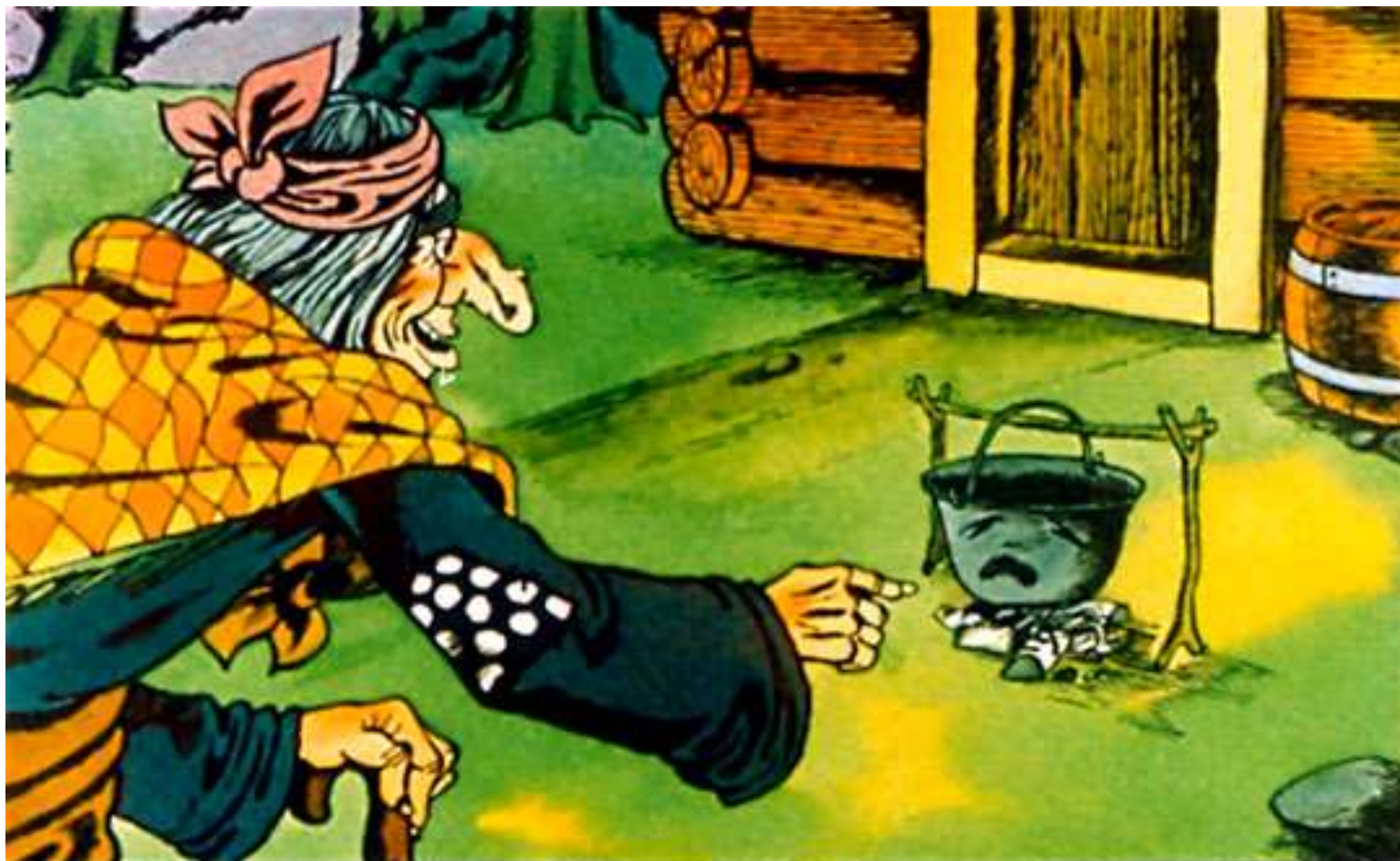
**А конец нити пристал к порогу. Ни ветром его не сдуть,
ни дождем не смыть.**

Другой конец держала старуха. Наматывая нить на палец, она шла по долинам, по холмам.

**Через бурные реки одним шагом перешагивала, сквозь частые леса
напрямик проходила. Там, где змее не проползти, пролезала старуха,
где мухе не пролететь, она проскакивала.**

Пришла к анлу брата и сестры, а там нет никого.
— Котел, котел, — запела старуха, — где девчонка?
— Если б она жива была, я бы холодный здесь не пылился.

**Старуха ногой разворошила костер:
—Огонь, огонь, где девчонка?
—Ох, ох! Была б она жива, я бы пеплом не был покрыт,
а бушевал бы, польхая ярким пламенем.**

Подошла старуха к кровати:
— Кровать, кровать, где девчонка?
— Умерла, — застонала кровать.

Тогда старуха полезла под кровать.

Там лежали зазубренные палки—эдирек. Ими девочка шкуры разминала, выколачивала, чтоб одежда, из шкур пошитая, мягче была.

**— Она жива, жива, жива! — застучали они. — Она вернется, нас
опять стучать заставит. Иди, бабушка, к ярко-голубой скале.**

Побежала старуха к скале, опустилась на правое колено,
погладила левую косу.
— Выдай мне девчонку, скала!

Но тут как раз брат с охоты возвращался. Увидел он старуху, снял с плеча тугой лук, натянул упругую тетиву и пустил литую семигранную стрелу.

**Не человеческим, не звериным криком закричала старуха, упала,
а из раны ее люди посыпались.**

Плача и смеясь, целовали они меткого стрелка.
— Нам, солнца не знавшим, ты солнце дал! Луны не ведавшим,
луну подарил! Будь же ты вечно счастливым! Сто лет живи,
проворным конем владей!

Разбрелись они по густой траве искать себе места для стойбища.

А тем временем открылась ярко-голубая скала, и увидел брат сестру свою.

От счастья он все радостные слова позабыл. Нежно ладонями ей щеки отер и сказал:
— Не плачь, сестра! Жить хорошо.

